

Жизнеутверждающее открытие польской пианистки
(рецензия на доклад Божены Мацийовской в Луганске)

Речь в докладе Божены Мацийовской на конференции в Луганске (2012) шла о финале в moll'ной сонаты Шопена и о понимании цикла.

Трудную задачу задал Шопен слушателям, исполнителям и истолкователям его музыки! Она смутила даже великого музыкального пророка Шумана. Того Шумана, который торжественно и пророчески писал о втором опусе Шопена: «Шапки долой, Господа, перед Вами гений!»

Но тот же Шуман писал о траурном марше сонаты в moll: в нем «есть что-то отталкивающее; на месте этого марша какое-нибудь Adagio в Des произвело бы несравненно лучшее впечатление». Что смутило Шумана? Может быть обнаженный натурализм? А о финале Шуман написал: «То, что вы слышите затем под названием финала, скорее мистификация, чем музыка... похвала застывает на устах, ибо это не музыка».

Неужели ошибся Шопен? Неужели отказался от сути великой музыки, которая есть воспевание высшей жизни?

В своем открытии Божена Мацийовская исходит из концепции ее учителя, крупнейшего пианиста Виктора Мержанова, но в то же время и преображает ее. Виктор Карпович мне и многим рассказывал о своем видении-слышании финала. Его интерпретация выросла из решительного противления словам Рубинштейна, истолковавшего финал как веяние ветра на кладбище. Казалось бы логично: что осталось от человека после похорон? Лишь завывания ветра. Однако кладбищенская интерпретация возмущает слух и оскорбляет дух — чем? Она внешняя, а Шопен всегда говорит о внутреннем. Она холодно-изобразительна, а музыка полнится теплом человеческой живой интонации.

В.К.Мержанов дает иное, более глубокое психологическое истолкование финала: пред нами мифологическая Лета, река забвения.

Божена идет дальше. Ведь все же и языческий образ слишком уныл для откровения христианской цивилизации. Лета стирает образы жизни и уводит в царство теней. А нам обещана жизнь, и жизнь преизбыточествующая! Именно о ней — великое искусство.

В своей теоретической и исполнительской интерпретации замечательная польская пианистка предлагает интереснейшую разгадку таинственного финала. Ей удалось (развивая некоторые наблюдения В.К.Мержанова) открыть в потоке фигураций растворенную в них взвесь интонационных напоминаний из всех частей сонаты — словно бы *summa summaum* всей прожитой жизни. Лета, река забвения, милосердно стирает всю физическую боль, все мучения, терзания. И тогда высвобождается из впечатлений жизни свет. Ощущение невесомого света рождается из быстрых мельканий интонаций предыдущих частей, словно сбросивших свою тяжесть. В такой трактовке финал теряет свою мрачность, обретает катарсическое звучание.

Внимание заслуживает мастерство анализа и тонкость интонационно слуха, позволившие Божене Мацийовской уловить эти интонационные отражения.

Но еще большей похвалы достойно виртуозное умение пианистки донести эти интонационные связи до слуха слушателей, выделяя в веянии вечно живого духа (а не ветра на кладбище!) смысловые обертоны прозвучавших ранее тем. Здесь время как бы зримо превращается в нечто подобное вечности, когда тают перегородки между прошлым-настоящим-будущим и дух обретает новое видение.

Множественность открытых Б.Мацийовской интонационных связей со всеми частями сонаты, которыми пропитан его финал, позволяют исполнителям бесконечно варьировать их, придавая каждому из исполнений неповторимость, а в сумме разных прочтений — все дальше углубляться в познании волнующей красоты этой музыки.

За это ободрение, за красоту надежды, луч которой пробился из, казалось бы, самого трагичного произведения гениального композитора, мы должны быть благодарны его соотечественнице.

5 апреля 2012 г.

В.В.Медушевский,
заслуженный деятель искусств РФ, доктор искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки Московской консерватории

